

Субъект как процесс стабилизации опыта

Автор: Гладков Сергей Васильевич

ORCID: 0009-0002-5283-2143

Дата: 17.06.2026

Аннотация

В статье предлагается концептуальная научно-теоретическая модель субъекта как процесса стабилизации согласованности опыта. Исходной проблемой выступает сохраняющаяся в ряде описаний самости тенденция мыслить субъекта как фиксированный внутренний центр, даже когда субстанциальное Я явно отвергается. В качестве альтернативы субъект рассматривается не как скрытая сущность и не как внутренний наблюдатель, а как процесс удержания связности между телесными состояниями, вниманием, памятью, языком, смыслом, действием и внешними структурами. Такой подход позволяет описывать непрерывность субъекта как поддерживаемую организацию опыта, а не как заранее данное свойство неизменного центра.

Модель сопоставляется с близкими направлениями исследований самости и сознания: теорией модели самости, воплощенным и энактивным познанием, нарративной идентичностью, предиктивной обработкой, расширенным умом и распределенным познанием. Ее отличие состоит в том, что центральным предметом анализа становится не самость как модель, история, телесная схема или когнитивная функция, а согласованность опыта как поддерживаемый многоуровневый процесс. Статья не предлагает завершенной нейробиологической теории, клинического протокола или метафизической концепции Я. Ее задача ограничена формулированием строгой концептуальной рамки, пригодной для дальнейшей теоретической и эмпирической разработки.

Ключевые слова

субъект; самость; согласованность опыта; стабилизация опыта; сознание; память; нарративная идентичность; воплощенное познание; расширенный ум; распределенное познание

1. Введение

Проблема субъекта остается одной из центральных точек пересечения философии сознания, когнитивной науки, теоретической психологии и исследований идентичности. При этом сама постановка вопроса часто наследует образ субъекта как некоторого внутреннего центра: носителя опыта, владельца состояний, наблюдателя, который присутствует за потоком переживаний и обеспечивает их единство. Даже там, где субстанциальное Я прямо критикуется, риск скрытого восстановления такого центра сохраняется на уровне языка описания. Субъект может перестать называться душой или неизменной сущностью, но продолжать мыслиться как нечто, что имеет опыт, собирает его и остается тем же самым за изменениями.

Современные подходы существенно ослабили эту схему. Теория модели самости показывает, что переживание себя не требует постулирования самостоятельной

внутренней сущности и может анализироваться через способы моделирования субъективности (Metzinger, 2003). Различение минимальной и нарративной самости уточняет, что самость не является однородным объектом и может рассматриваться на разных уровнях организации опыта (Gallagher, 2000). Телесно ориентированные подходы подчеркивают, что сознание и самость не отделены от аффективных, сенсомоторных и автобиографических процессов (Damasio, 1999). Эти линии важны именно потому, что смещают анализ от неизменного носителя к условиям, механизмам и формам организации субъективного опыта.

Однако отказ от фиксированного Я сам по себе еще не дает положительного описания того, за счет чего опыт удерживается как связный. Если субъект не является скрытым наблюдателем, то необходимо объяснить, как возникает относительная непрерывность переживания, действия, памяти, самоописания и ориентации в мире. Если самость не является самостоятельной субстанцией, нужно показать, каким образом различные уровни опыта не просто сосуществуют, а временно согласуются друг с другом. Иначе критика фиксированного субъекта рискует оставить теоретический пробел: внутренний центр устранен, но функция связности, которую он неявно выполнял в старых моделях, остается неопианной.

В этой статье предлагается рассматривать субъекта как процесс удержания согласованности опыта. Речь идет не о введении новой сущности вместо старой, а о переносе вопроса с того, чем субъект является, на то, как поддерживается связность переживаемого и организуемого. Под опытом здесь понимается не только поток сознательных представлений, но многоуровневое поле, включающее телесные состояния, восприятие, аффекты, внимание, память, язык, смысл, действие, социальные роли и внешние опоры. Стабилизация опыта в этом контексте означает поддержание относительной согласованности между этими уровнями, достаточной для продолжения ориентации, действия и самоотнесения.

Такое описание позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, оно не возвращает субъекта к модели фиксированного внутреннего центра. С другой стороны, оно не растворяет субъекта в наборе разрозненных процессов, между которыми отсутствует объяснимая связность. Субъект в предлагаемой рамке не находится за опытом как его владелец, но и не исчезает в пользу чистой множественности состояний. Он задается как процессуальная конфигурация, в которой разные уровни опыта временно удерживаются вместе.

Статья имеет ограниченную задачу. Она не стремится заменить существующие теории самости, сознания, памяти или познания и не выводит авторскую модель из какой-либо одной внешней теории. Ее цель состоит в том, чтобы сформулировать компактную концептуальную рамку и показать ее сравнительное положение среди близких подходов: теории модели самости, воплощенного и энактивного познания, нарративной идентичности, предиктивной обработки, расширенного ума и распределенного познания.

Дальнейшее изложение формулирует основной тезис, кратко рассматривает механизмы стабилизации, обсуждает роль внешних структур, задает сравнительное положение модели и фиксирует ее границы как концептуальной рамки, а не завершенной нейробиологической теории, клинического протокола или метафизической теории Я.

2. Основной тезис статьи

Основной тезис статьи состоит в следующем: субъект может быть описан как процесс удержания согласованности опыта. Эта формулировка не вводит новую скрытую сущность и не заменяет прежнее субстанциальное Я более современным названием. Она задает другой тип объяснения. Вопрос переносится с поиска того, что остается неизменным за потоком переживаний, на анализ того, каким образом разные уровни опыта временно связываются, удерживаются и продолжают как относительно согласованная конфигурация.

В этом смысле субъект не является отдельным внутренним объектом, который наблюдает опыт, владеет им или управляет им извне. Он также не является простой суммой психических состояний. Субъект задается как динамическая организация, в которой переживание, память, телесное состояние, внимание, язык, смысл и действие оказываются достаточно согласованными, чтобы система могла продолжать ориентацию в мире и относить происходящее к себе. Такая согласованность не предполагает полной прозрачности, непротиворечивости или устойчивости. Она означает лишь то, что опыт не распадается на полностью несвязанные фрагменты и может быть включен в продолжающийся процесс жизни, действия и самоописания.

Такое понимание связано с критикой модели скрытого наблюдателя. Если субъект мыслится как внутренний наблюдатель, возникает трудность: нужно объяснить, кто или что объединяет опыт этого наблюдателя, как он сам остается тем же самым и каким образом он связан с телесными, эмоциональными, когнитивными и социальными процессами. Теория модели самости показывает, что переживание себя может анализироваться без постулирования субстанциального носителя субъективности (Metzinger, 2003). Однако для настоящей статьи важно не только отрицание внутренней сущности, но и положительное описание функции, которую прежняя модель субъекта неявно выполняла: функции удержания связности опыта.

Субъект как процесс удержания согласованности опыта отличается и от чисто репрезентативного понимания самости, и от сведения субъекта к нарративу. Репрезентативные модели позволяют показать, что переживание себя зависит от определенных способов моделирования и самоотнесения. Нарративные подходы показывают, что личная идентичность поддерживается через память, язык и историю жизни. Но согласованность опыта не исчерпывается ни моделью себя, ни рассказом о себе. Она включает также телесную регуляцию, аффективную окраску, распределение внимания, практическое действие и контекст среды. Поэтому субъект в предлагаемой модели понимается шире, чем self-модель или автобиографический рассказ, но уже, чем метафизическая теория личности.

Ключевым понятием здесь является опыт. Под опытом понимается не только содержание сознания и не только осознанная мысль. Опыт включает переживаемые и организуемые уровни: телесные ощущения, аффекты, восприятие, память, язык, смысл, действие, отношения, внешние опоры и следы прошлого. Эти уровни не существуют в полном равновесии. Они могут расходиться, вступать в напряжение, временно доминировать друг над другом или перестраивать общий режим ориентации. Поэтому

согласованность опыта следует понимать не как статическое состояние гармонии, а как процессуально поддерживаемую связность изменений.

Отсюда следует второе уточнение: стабилизация опыта не равна неподвижности. Стабилизировать опыт не значит зафиксировать его раз и навсегда. Напротив, субъект сохраняется именно через изменяемую связность. Непрерывность не дана заранее, а поддерживается в переходах между состояниями, ситуациями, воспоминаниями, действиями и самоописаниями. Это сближает предлагаемую модель с многоуровневыми подходами к самости, где различаются минимальные, телесные, нарративные и автобиографические аспекты субъективности (Gallagher, 2000; Damasio, 1999). Но в рамках данной статьи эти уровни рассматриваются не как отдельные типы Я, а как разные контуры стабилизации опыта.

Третье уточнение касается статуса модели. Тезис о субъекте как процессе удержания согласованности опыта является концептуальным утверждением, а не эмпирически завершённой теорией. Он не утверждает, что найден единый нейробиологический механизм субъекта, и не задает клинический протокол работы с нарушениями идентичности или памяти. Его задача скромнее: предложить рамку, в которой можно описывать субъекта без обращения к скрытому центру и без распада на несвязанные функции. Такая рамка позволяет сопоставлять данные и теории о теле, памяти, нарративе, внимании, действии и среде, не превращая ни один из этих уровней в единственное основание субъекта.

В этом отношении предлагаемая модель сохраняет анти-субстанциальную направленность современных исследований самости, но смещает акцент. Центральным становится не вопрос о том, существует ли Я как особая сущность, а вопрос о том, как поддерживается согласованность опыта при отсутствии такой сущности. Субъект не обнаруживается за опытом; он реконструируется как способ его организации. Поэтому минимальная формула модели может быть выражена так: субъект есть процесс удержания согласованности опыта.

Эта формула задает дальнейшую структуру статьи. Если субъект понимается как процесс, необходимо показать, какие механизмы участвуют в стабилизации опыта, какую роль играют внешние структуры, как эта модель соотносится с близкими теориями и где проходят ее границы. Последующие разделы будут решать именно эти задачи, не расширяя тезис до метафизической, клинической или нейробиологически доказанной теории.

3. Ключевые механизмы стабилизации

Если субъект описывается как процесс удержания согласованности опыта, необходимо уточнить, за счет чего такая согласованность поддерживается. В данной статье речь не идет о едином механизме, который можно было бы локализовать как центр субъекта. Напротив, стабилизация опыта понимается как результат взаимодействия нескольких уровней: внимания, памяти, языка, смысла, телесных состояний, действия и превосходящей организации восприятия. Эти уровни постоянно перераспределяют вклад в то, как опыт становится связным, узнаваемым и включенным в продолжающуюся ориентацию.

Первым механизмом является внимание. Оно не создает субъекта как отдельную сущность, но задает текущую конфигурацию значимости. Через внимание одни элементы опыта выделяются как существенные, другие уходят на периферию, а третьи временно исключаются из актуальной организации. Поэтому внимание можно понимать как механизм оперативного связывания: оно удерживает поле опыта в такой форме, в которой возможны действие, различение и самоотнесение. Важно, что внимание не следует описывать как прожектор скрытого наблюдателя. Оно является процессом распределения значимости внутри опыта, а не действием отдельного внутреннего владельца.

Второй механизм связан с телесными состояниями и аффективной организацией. Переживание не возникает как нейтральный поток представлений, к которому затем добавляется тело. Телесные состояния участвуют в определении фона, интенсивности, доступности и направленности опыта. Работы о роли тела, эмоции и автобиографической организации сознания показывают, что субъективность не может быть полностью отделена от телесно-аффективной регуляции (Damasio, 1999). Для рассматриваемой модели это означает, что согласованность опыта поддерживается не только понятийными или нарративными связями, но и телесным фоном, через который ситуация переживается как опасная, близкая, нейтральная, возможная или требующая действия.

Третий механизм - память. Память здесь не следует понимать как архив, в котором прошлое хранится в неизменном виде. Для стабилизации субъекта важна не только сохранность следов, но и их включение в текущую организацию опыта. Автобиографическая память связывает прошлое с актуальными целями, образами себя и ожиданиями будущего (Conway and Pleydell-Pearce, 2000). Благодаря этому субъект может сохранять относительную непрерывность, не оставаясь тождественным себе в жестком смысле. Он продолжает себя через изменяемую связь между тем, что было пережито, тем, что сейчас значимо, и тем, что ожидается или предполагается.

Четвертый механизм - язык и нарративная организация. Язык позволяет не только обозначать опыт, но и удерживать его в форме, доступной повторному обращению, объяснению и согласованию с другими. Нарративная идентичность показывает, что жизненная история участвует в организации личности и в поддержании биографической связности (McAdams, 2001). Однако в предлагаемой модели нарратив не является всей структурой субъекта. Он представляет собой один из способов стабилизации опыта, особенно там, где требуется связать события во времени, объяснить поступки, оформить самописание и сделать пережитое частью продолжающейся истории.

Пятый механизм - смысл. Смысл не должен пониматься как абсолютная истина, обнаруженная за опытом. В рамках данной модели смысл является способом соотнесения происходящего с ценностями, ожиданиями, целями, отношениями и возможными действиями. Один и тот же факт может по-разному входить в опыт в зависимости от того, какое место он получает в смысловой организации. Поэтому стабилизация опыта требует не только памяти о событии, но и некоторого способа понять, что это событие значит для текущей ориентации. Без смысловой связи опыт может сохраняться как след, но не включаться в согласованную структуру субъекта.

Шестой механизм - действие. Согласованность опыта поддерживается не только через внутреннюю обработку, но и через практическую включенность в мир. Действие проверяет, уточняет и перестраивает организацию опыта. Через действие субъект не

просто выражает уже готовое внутреннее состояние, а участвует в формировании того, что становится устойчивым, возможным или значимым. Здесь модель сближается с воплощенными и энактивными подходами, в которых познание и опыт рассматриваются в связи с телом, средой и действием, но не сводится к ним полностью.

Седьмой механизм можно обозначить как предвосхищающую организацию опыта. Опыт не является пассивной регистрацией данных. Он включает ожидания, предположения, вероятностные настройки и способы снижения неопределенности. В этом отношении для статьи важен общий сравнительный фон предиктивной обработки и принципа свободной энергии, где восприятие и действие описываются через активную организацию и уменьшение неопределенности (Friston, 2010; Seth, 2014). Однако модель стабилизации опыта не является формальной нейровычислительной теорией. Она использует этот контекст ограниченно: как указание на то, что опыт организуется активно, а не просто складывается из отдельных впечатлений.

Эти механизмы не следует понимать как независимые модули. Внимание уже телесно и аффективно окрашено; память часто организована языком и смыслом; действие меняет то, что становится доступным вниманию; ожидания влияют на восприятие и интерпретацию. Поэтому субъект как процесс удержания согласованности опыта не расположен в одном из этих механизмов. Он возникает как их временная согласованная работа.

Из этого следует важное ограничение. Стабилизация не тождественна норме, здоровью или благополучию. Опыт может быть стабилизирован в узком, напряженном или повторяющемся режиме. Согласованность может поддерживать не только развитие, но и устойчивые ограничения. Поэтому задача модели состоит не в том, чтобы оценить всякую стабильность как положительную, а в том, чтобы описать, как разные уровни опыта удерживаются вместе. В этом смысле стабилизация является аналитическим понятием, а не нормативным идеалом.

Таким образом, ключевые механизмы стабилизации позволяют уточнить основной тезис статьи. Субъект не является тем, кто извне соединяет внимание, память, язык, тело, смысл и действие. Субъект есть процесс, в котором эти уровни временно связываются в достаточно согласованную конфигурацию. Следующий вопрос состоит в том, всегда ли такая конфигурация ограничена внутренними процессами организма или часть стабилизации может опираться на внешние структуры, документы, пространства, инструменты и социальные формы организации.

4. Внешние структуры и распределенность

Стабилизация опыта не ограничивается процессами, которые можно описать как полностью внутренние. Человек постоянно использует внешние структуры: записи, схемы, документы, цифровые интерфейсы, рабочие пространства, социальные роли и устойчивые практики. Эти элементы не становятся самостоятельными субъектами и не обладают сознанием. Тем не менее они могут участвовать в том, как опыт удерживается, организуется и возвращается к связанной форме.

Аргумент о расширенном уме показывает, что некоторые когнитивные процессы могут включать внешние элементы, если они устойчиво выполняют функцию,

аналогичную внутренним ресурсам памяти или обработки (Clark and Chalmers, 1998). Для данной статьи этот аргумент важен ограниченно. Он не используется для утверждения, что субъект буквально выходит за пределы тела или растворяется в среде. Значимым является другое: часть процессов, поддерживающих связность опыта, может быть организована через внешние средства. Записная книжка, календарь, карта, схема, список задач или рабочий интерфейс могут поддерживать ориентацию, продолжение действия и возвращение к смысловой связности.

Распределенное познание показывает, что когнитивная работа часто осуществляется системой, включающей людей, артефакты, процедуры и среду (Hutchins, 1995). В контексте модели стабилизации опыта это позволяет рассматривать внешние структуры как элементы, которые перераспределяют нагрузку между памятью, вниманием и действием. Письменный план удерживает последовательность действий; схема позволяет увидеть отношения, которые трудно удержать в линейной речи; пространственное расположение предметов направляет внимание. В каждом случае внешняя структура не заменяет субъекта, но участвует в поддержании согласованности его опыта.

Важно различать несколько уровней включения внешнего. На слабом уровне внешняя структура служит инструментом и легко заменяется. На более сильном уровне она становится устойчивой опорой практики: человек возвращается к ней, строит вокруг нее действия и связывает через нее разные временные фрагменты опыта. На интегрированном уровне внешняя структура входит в привычный контур самоорганизации: без нее нарушается не только задача, но и способ удержания порядка, памяти, ответственности или роли.

Понятие когнитивной интеграции подчеркивает координацию внутренних процессов, телесного действия, знаков и культурных практик (Menary, 2007). Для рассматриваемой модели это важно, потому что согласованность опыта поддерживается не только тем, что происходит внутри организма, но и тем, как человек включен в систему внешних следов и процедур. Рабочая тетрадь, научная классификация, расписание, профессиональная роль или общая система обозначений могут стабилизировать не отдельную мысль, а целый режим ориентации.

При этом внешние структуры нужно описывать осторожно. Поддерживающее структурирование среды не обязательно означает, что ум или субъект расширены в сильном смысле. Среда может быть опорой, не становясь частью субъекта как такового (Sterelny, 2010). Если всякая внешняя помощь объявляется частью субъекта, понятие распределенности теряет точность. Если же внешняя среда полностью исключается из описания субъекта, трудно объяснить, почему разрушение привычных опор способно нарушать память, внимание, самописание и повседневную связность действия.

Организация пространства также может выполнять стабилизирующую функцию. Расположение объектов, доступность заметок, структура рабочего места и визуальные формы представления снижают когнитивную нагрузку и направляют действие (Kirsh, 1995). Внешние репрезентации меняют структуру задачи: они позволяют видеть отношения, удерживать промежуточные состояния и возвращаться к прерванному процессу (Zhang and Norman, 1994). В терминах данной статьи внешний мир не только предоставляет материал для опыта, но и участвует в его организации.

Таким образом, распределенность субъекта в предлагаемой модели означает не растворение человека в среде, а участие внешних структур в отдельных процессах стабилизации опыта. Субъект остается процессом удержания согласованности опыта, но эта согласованность может частично поддерживаться документами, инструментами, местами, социальными формами и устойчивыми практиками. Граница субъекта не исчезает, но становится функционально сложной: она проходит не по простой линии между внутренним и внешним, а через вопрос о том, какие процессы реально участвуют в удержании связности опыта.

5. Сравнительное положение модели

Предлагаемая модель находится рядом с несколькими современными линиями анализа самости, сознания и познания, но не совпадает с ними полностью. Ее задача состоит не в том, чтобы заменить эти подходы или объявить их частными случаями одной теории. Более точная формулировка такова: модель стабилизации опыта использует близкий анти-субстанциальный и процессуальный горизонт, но выделяет собственный предмет - удержание согласованности опыта. Поэтому сравнение должно показывать не только сходства, но и границы переноса понятий.

С теорией модели самости модель стабилизации опыта сходится в отказе от скрытого внутреннего владельца опыта. Если переживание себя может быть понято через модель самости, то нет необходимости вводить отдельную субстанциальную сущность, которая стоит за переживанием и наблюдает его (Metzinger, 2003). Это важный общий пункт: субъект не должен объясняться через внутреннего наблюдателя. Различие состоит в том, что модель стабилизации опыта не сводит субъекта к self-модели. Ее интересует не только то, как система представляет себя себе самой, но и то, как разные уровни опыта удерживаются в связной конфигурации. Репрезентация себя является важным контуром, но не исчерпывает память, тело, действие, смысл и внешние опоры.

С воплощенным и энактивным познанием модель сближается через отказ от изолированного внутреннего центра. Познание и опыт не могут быть поняты как чисто внутренние операции, отделенные от тела, действия и среды (Varela, Thompson and Rosch, 1991). Для модели стабилизации опыта это означает, что субъект не должен помещаться в абстрактную точку сознания. Он формируется через телесные состояния, действия и способы включенности в мир. Различие состоит в фокусе: воплощенные и энактивные подходы часто строят более общую теорию познания и жизни, тогда как данная статья ограничивается вопросом о том, как поддерживается согласованность опыта. Она не требует принятия всей теоретической архитектуры энактивизма, а использует ее как сравнительный контекст.

С различием минимальной и нарративной самости модель связана через идею многоуровневости. Самость может описываться не как один объект, а как совокупность разных уровней: дорефлексивного, телесного, социального, нарративного и биографического (Gallagher, 2000). Модель стабилизации опыта принимает важность такого различия, но переводит его в другой язык. Уровни самости рассматриваются не как самостоятельные виды Я, а как разные способы удержания согласованности. Минимальная самость важна для непосредственной ориентации и переживания присутствия, нарративная - для связности биографии и самоописания. Но обе включаются

в более общий вопрос: как опыт остается достаточно связанным, чтобы субъект мог продолжать себя во времени.

С теорией нарративной идентичности модель сходитя в признании роли памяти, языка и жизненной истории. Биографический рассказ действительно помогает организовывать события, поступки, цели и изменения личности (McAdams, 2001). Без нарратива трудно объяснить, как прошлое становится частью продолжающегося самоописания. Однако субъект не может быть полностью сведен к нарративной идентичности. Часть опыта остается доречевой, телесной, аффективной, ситуативной или внешне поддержанной. Поэтому нарратив в данной модели является одним из механизмов стабилизации, а не всей структурой субъекта.

С предиктивной обработкой и принципом свободной энергии модель сближается через представление об активной организации опыта. Опыт не является пассивной регистрацией данных; он включает ожидания, прогнозы, корректировки и снижение неопределенности (Friston, 2010; Seth, 2014). Для модели стабилизации опыта это важно как указание на активный характер восприятия и действия. Но различие принципиально: данная статья не строит формальную нейровычислительную теорию. Она использует предиктивный подход как сравнительный ресурс, а не как основание для редукции субъекта к вычислительному механизму. Согласованность опыта здесь описывается на концептуальном уровне и включает память, язык, смысл, тело и внешние структуры.

С телесными подходами к сознанию модель связана через признание роли тела, аффекта и автобиографической памяти. Различение телесной, ядерной и автобиографической самости показывает, что субъективность не может быть отделена от процессов организма, эмоции и биографической организации (Damasio, 1999). Модель стабилизации опыта принимает этот тезис, но не превращает его в полную нейробиологическую теорию субъекта. Телесность выступает одним из необходимых уровней стабилизации, а не единственным основанием всей модели. Субъект поддерживается телесно, но не исчерпывается телом.

С теориями расширенного ума, распределенного познания и когнитивной интеграции модель сходитя в признании роли внешних структур. Инструменты, записи, схемы, пространства и практики могут участвовать в организации когнитивной работы и поддержании действия (Clark and Chalmers, 1998; Hutchins, 1995; Menary, 2007). В модели стабилизации опыта этот тезис расширяется осторожно: внешние структуры могут поддерживать не только решение задач, но и связность памяти, внимания, самоописания и ориентации. Различие состоит в том, что речь не идет о превращении внешней среды в субъекта. Внешнее участвует в отдельных процессах стабилизации, но не становится самостоятельным носителем опыта.

Таким образом, модель стабилизации опыта занимает промежуточное положение. Она анти-субстанциальна, как теория модели самости; телесна и процессуальна, как воплощенные подходы; чувствительна к памяти и языку, как теория нарративной идентичности; совместима с идеей активной организации опыта; открыта к роли внешних структур. Но ее собственный предмет уже и точнее: согласованность опыта как поддерживаемый многоуровневый процесс. Именно это позволяет не выбирать между self как моделью, телом, нарративом, предсказанием или средой, а описывать их как разные контуры стабилизации субъекта.

6. Границы модели

Модель субъекта как процесса стабилизации опыта имеет статус концептуальной научно-теоретической рамки. Это означает, что она предлагает способ описания и связывания уже обсуждаемых в науке и философии уровней субъективности, но не претендует на завершённое эмпирическое доказательство. Предлагаемая модель имеет концептуальный и эвристический характер; она не является эмпирически подтверждённой теорией и предлагается как рамка для дальнейшего междисциплинарного обсуждения. Её задача состоит в том, чтобы уточнить, как можно говорить о субъекте без обращения к скрытому наблюдателю, субстанциальному Я или неизменному внутреннему центру. Поэтому границы модели должны быть явно названы до того, как из нее будут сделаны более сильные выводы.

Во-первых, модель не является нейробиологической теорией субъекта. Она использует результаты и понятия, связанные с телесностью, памятью, предиктивной организацией и внешними структурами, но не утверждает, что субъект сводится к одному установленному мозговому механизму. Согласованность опыта описывается здесь на концептуальном уровне. Нейробиологические данные могут быть важны для будущей проверки или уточнения модели, но в рамках данной статьи они не дают основания объявлять ее доказанной теорией работы мозга.

Во-вторых, модель не является клиническим протоколом, медицинской рекомендацией, диагностической методикой или терапевтической техникой. Понятия фрагментации, пересборки, повторения или незавершённых паттернов могут быть полезны для дальнейшего теоретического анализа нарушений связности опыта, но статья не делает выводов о диагностике, лечении или эффективности конкретных практик. Если согласованность опыта может нарушаться или поддерживаться в напряжённом режиме, это ещё не означает, что предложена методика коррекции. Клинические следствия требуют отдельной эмпирической и методологической работы.

В-третьих, модель не является метафизической теорией Я. Она не утверждает существование бессмертного субъекта, скрытого носителя сознания, мета-личности или особой сущности, сохраняющейся независимо от процессов опыта. Напротив, её центральный смысл состоит в отказе от такой сущности. Субъект описывается как процессуальная организация, а не как объект, находящийся за переживаниями. Поэтому любые формулировки, которые возвращают субъекту статус внутренней вещи, должны рассматриваться как нарушение рамки модели.

В-четвертых, модель не является теорией физического времени или общей онтологией реальности. Когда в статье говорится о непрерывности, изменении, удержании прошлого или ожидании будущего, речь идет о структуре опыта, памяти, действия и самоописания. Эти положения не должны расширяться до утверждений о природе времени как физической реальности. Модель работает с тем, как временная связность переживается и организуется субъектом, а не с тем, как устроено время само по себе.

В-пятых, модель не должна превращаться в общий обзор всех теорий самости. Сравнительный раздел нужен для позиционирования, а не для исчерпывающей библиографической карты. Теория модели самости, воплощённое познание, нарративная идентичность, предиктивная обработка и расширенный ум используются как ближайшие

контексты, с которыми можно сопоставить авторскую рамку. Из этого не следует, что все возможные подходы к субъекту уже учтены или что предложенная модель закрывает поле исследований.

В-шестых, модель не заменяет существующие подходы психологии, медицины, когнитивных наук или философии сознания. Она может использоваться только как теоретическая рамка для постановки вопросов о согласованности опыта и для дальнейшего исследования, но не как самостоятельное основание для практических, клинических или диагностических решений.

Особой осторожности требует тема фрагментации и пересборки. В рамках статьи она остается ограниченным следствием основной модели: если субъект есть процесс удержания согласованности опыта, то нарушение согласованности может пониматься как расхождение между уровнями опыта, а пересборка - как изменение структуры их связности. Однако эти положения не разворачиваются здесь в самостоятельную теорию травмы, памяти или повторения. Они фиксируются как направление дальнейшей разработки, а не как заверченный доказанный блок.

Таким образом, модель стабилизации опыта утверждает не всеобъемлющее объяснение субъекта, а рабочий способ его концептуального описания. Она позволяет удержать несколько важных ограничений одновременно: не вводить скрытого наблюдателя, не сводить субъекта к одной функции, не растворять его в среде и не объявлять внешние теории прямым основанием авторской модели. Ее сила состоит не в окончательности, а в дисциплинированном смещении вопроса: от поиска сущности субъекта к анализу процессов, удерживающих согласованность опыта.

7. Заключение

В статье была предложена концептуальная модель субъекта как процесса стабилизации согласованности опыта. Ее исходный ход состоит в отказе от представления субъекта как фиксированной внутренней сущности, скрытого наблюдателя или неизменного центра переживаний. Вместо этого субъект описывается как процессуальная организация, в которой телесные, когнитивные, нарративные, практические и внешние контуры временно связываются в достаточно согласованную конфигурацию.

Такой подход удерживает анти-субстанциальную позицию, не растворяя субъекта в наборе несвязанных процессов. Если субъект не является отдельным объектом за опытом, связность опыта не исчезает как проблема, а становится центральным предметом анализа.

Сравнение с близкими теориями показывает, что модель находится рядом с исследованиями самости, воплощенного познания, нарративной идентичности, предиктивной обработки, расширенного ума и распределенного познания. Однако ее фокус состоит не в сведении субъекта к одному из этих уровней, а в описании их участия в удержании согласованности опыта.

Границы модели остаются существенными: она не является завершенной нейробиологической теорией, клиническим протоколом, метафизической теорией Я или теорией физического времени. Ее задача ограничена строгим описанием субъекта без введения новой сущности и без утраты связности опыта как объяснительной проблемы.

Итоговая формула статьи может быть выражена так: субъект не дан как вещь, скрытая за опытом; он поддерживается как процесс согласования опыта. Эта формула задает направление дальнейшей работы: уточнение механизмов стабилизации, исследование границ фрагментации и пересборки, а также возможную эмпирическую проверку отдельных положений модели.

8. Литература

Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, 58(1), 7-19. <https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7>

Conway, M. A., & Pleydell-Pearce, C. W. (2000). The construction of autobiographical memories in the self-memory system. *Psychological Review*, 107(2), 261-288. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.107.2.261>

Damasio, A. R. (1999). *The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness*. Harcourt.

Friston, K. (2010). The free-energy principle: A unified brain theory? *Nature Reviews Neuroscience*, 11, 127-138. <https://doi.org/10.1038/nrn2787>

Gallagher, S. (2000). Philosophical conceptions of the self: Implications for cognitive science. *Trends in Cognitive Sciences*, 4(1), 14-21. [https://doi.org/10.1016/S1364-6613\(99\)01417-5](https://doi.org/10.1016/S1364-6613(99)01417-5)

Hutchins, E. (1995). *Cognition in the wild*. MIT Press.

Kirsh, D. (1995). The intelligent use of space. *Artificial Intelligence*, 73(1-2), 31-68. [https://doi.org/10.1016/0004-3702\(94\)00017-U](https://doi.org/10.1016/0004-3702(94)00017-U)

McAdams, D. P. (2001). The psychology of life stories. *Review of General Psychology*, 5(2), 100-122. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.5.2.100>

Menary, R. (2007). *Cognitive integration: Mind and cognition unbounded*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230592889>

Metzinger, T. (2003). *Being no one: The self-model theory of subjectivity*. MIT Press.

Seth, A. K. (2014). A predictive processing theory of sensorimotor contingencies: Explaining the puzzle of perceptual presence and its absence in synesthesia. *Cognitive Neuroscience*, 5(2), 97-118. <https://doi.org/10.1080/17588928.2013.877880>

Sterelny, K. (2010). Minds: Extended or scaffolded? *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 9, 465-481. <https://doi.org/10.1007/s11097-010-9174-y>

Varela, F. J., Thompson, E., & Rosch, E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MIT Press.

Zhang, J., & Norman, D. A. (1994). Representations in distributed cognitive tasks. *Cognitive Science*, 18(1), 87-122. https://doi.org/10.1207/s15516709cog1801_3